

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Мацедонский Д.В.

*Мацедонский Данил Владимирович – магистрант,
кафедра уголовного права,
Санкт-Петербургская юридическая академия, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: в статье анализируются проблемы законодательного регулирования ответственности за террористический акт и преступления террористического характера на примере понятия «терроризм на транспорте».

Ключевые слова: анализ, терроризм, транспорт, СНГ, угроза, технологический, уголовный кодекс, контрабанда.

С точки зрения уголовного права одной из главных задач правового регулирования на современном этапе является определение содержания понятия «терроризм на транспорте». Отсутствие четкого определения нормативной дефиниции рассматриваемой новой формы терроризма обуславливает наличие в юридической литературе различных взглядов на смысловую нагрузку данного термина.

Большинство исследователей придерживаются мнения, что терроризм на транспорте является разновидностью технологического терроризма, представляющего собой противоправное использование или угрозу использования современных технологий, обладающих высоким потенциалом поражающего эффекта [4, с. 115].

Но и понятие «технологический терроризм» на законодательном уровне также не закреплено, несмотря на то что в зарубежной научной литературе оно используется начиная с 80-х гг. XX вв. после издания Ричардом Кларком книги «Технологический терроризм» [6] <28>, а сейчас активно упоминается и отечественными исследователями. Указанное обстоятельство еще больше осложняет дефиницию транспортного терроризма.

В международной практике с участием России употребление термина «технологический терроризм» встречается в Договоре о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 года [1].

В этом документе даже дается определение технологическому терроризму - «использование или угроза использования ядерного, радиологического, химического или бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, патогенных микроорганизмов, радиоактивных и других вредных для здоровья людей веществ, включая захват, выведение из строя и разрушение ядерных, химических или иных объектов повышенной технологической и экологической опасности, систем жизнеобеспечения городов и иных населенных пунктов, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти, для достижения политических, корыстных или любых иных целей, а также попытка совершения одного из вышеперечисленных преступлений в тех же целях, осуществление руководства, финансирование или участие в качестве подстрекателя, сообщника или пособника лица, которое совершает или пытается совершить такое преступление».

В то же время обращает на себя внимание факт отсутствия в данной дефиниции упоминания террористических действий, связанных с использованием информационных технологий. Объясняется это, скорее всего, временем подготовки и подписания соглашения: в 1999 году инновационные разработки и компьютерная оснащенность еще не достигли того высокого уровня, который сейчас наблюдается практически повсеместно.

Таким образом, в большинстве случаев технологический терроризм подразумевает некое общее понятие, объединяющее в себе признаки ядерного, химического, транспортного, кибернетического и других видов терроризма, связанных с применением технологических средств либо выводом из строя объектов повышенной опасности.

На основании сложившейся практики считаем уместным ввести в юридический словарь (посредством закрепления данного термина в российском законодательстве) определение технологического терроризма как преступного посягательства, совершенного путем использования современных технологий, обладающих повышенной опасностью и широким спектром поражения, в случае, если такое посягательство устрашает население, создает опасность причинения гибели людей, значительного имущественного ущерба или иных тяжких последствий, а также совершается в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями.

Исходя из характеристик технологического терроризма транспортным терроризмом следует признавать преступное посягательство с использованием технологий в транспортной сфере либо на

объекты транспортной инфраструктуры, совершенное в террористических целях и способное повлечь последствия, характерные для террористического акта.

Схожее определение содержится в работе А.М. Киракосяна, который, не будучи, однако, юристом, делает основной акцент не на противоправности, а на «деструктивности» данного вида социального противодействия, направленного на реализацию экстремистской идеологии [2, с. 18].

Еще одной проблемой в юридической литературе признается отсутствие на законодательном уровне определения места транспорта в совокупности объектов, представляющих повышенную опасность и нуждающихся в особой системе антитеррористической защиты [5, с. 46].

Включение актов ядерного и биологического терроризма в особо квалифицированный состав, предусмотренный п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ, вызывает определенные нарекания со стороны ряда юристов.

Так, В.Т. Корниенко признает формулировку закона «крайне проблемной для правоприменителя», поскольку при предъявлении обвинения в теракте, совершенном, к примеру, организованной группой, формулу обвинения, если следовать букве закона, придется выстраивать таким образом, что квалифицирующие признаки преступления окажутся в середине (и только после этого правоприменителю надлежит указывать, с посягательством на какие определенные законом особые объекты был совершен террористический акт) [3, с. 24].

В этом исследователь видит серьезную проблему, которую в его понимании не способна сгладить даже разница в санкциях ч. ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ. В отличие от аргументации этой не вполне ясной проблемы, предложение ученого относительно внесения в Уголовный кодекс самостоятельного состава преступления, касающегося ядерной угрозы со стороны террористов, выглядит достаточно обоснованным. Отдельная статья позволила бы не только в полной мере соблюсти требования Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года в части закрепления всей необходимой терминологии и видов посягательств. Она также дала бы возможность выделить квалифицированные составы этого деяния с учетом возможного соучастия в преступлении и в зависимости от тяжести наступивших последствий (угроза совершения подобных действий и деяние, повлекшее гибель людей, должны оцениваться и наказываться по-разному).

Уголовный кодекс РФ также включает комплекс мер в области борьбы с незаконным оборотом оружия массового поражения. В основном уголовно-правовое противодействие касается незаконного обращения с ядерными материалами и радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ), их хищения либо вымогательства (ст. 221 УК РФ), контрабанды радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, оружия массового поражения, средств его доставки, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании последнего (ст. 226.1 УК РФ). При этом санкции за совершение перечисленных преступлений предусмотрены достаточно мягкие.

В статье 355 УК РФ установлена ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения. В диспозиции нормы в качестве такового прямо перечислены химическое, биологическое и токсинное оружие. Категорически неверным представляется отсутствие в этом перечне прямого указания на ядерное оружие. Можно предположить, что в отношении него действует формулировка «другой вид оружия массового поражения, запрещенный международным договором РФ». Но, учитывая потенциальную возможность использования террористами именно этого вида оружия, а также требования международно-правовых актов в отношении внесения соответствующих угроз в национальное законодательство, точное указание в ст. 355 УК РФ относительно данного вида оружия представляется более оправданным, чем имеющаяся в тексте закона спорная бланкетная отсылка.

Подводя итог рассмотрению вышеозначенных проблем, можно сделать вывод о том, что предотвращение угрозы ядерного и биологического терроризма должно стать одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики России. Это объясняется общественной опасностью и широким спектром возможных негативных последствий, которые могут повлечь за собой указанные явления. Развитие технологий и модернизация общества создают не только научный и информационный потенциал страны, но и обуславливают совершенствование процесса совершения преступных деяний, в том числе и террористических.

Список литературы

1. Договор «О сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом» (4 июня 1999 г., Минск) // СЗ РФ, 2006. № 22. Ст. 2291.
2. Киракосян А.М. Терроризм на транспорте как угроза современному обществу (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. Наук. М., 2007.
3. Корниенко В.Т. Проблемы квалификации ядерного терроризма // Российский следователь. 2013. N 14. – С. 24.
4. Костылева Е.Д. Терроризм и безопасность на транспорте // Наука и образование, 2011. № 10. С. 115.

5. *Некишев В.Л., Некишев А.В.* О некоторых проблемах противодействия технологическому терроризму на транспорте / *Транспортное право*, 2006. № 4. С. 46.
6. *Clark R.C.H.* *Technological terrorism*. Old Greenwich (Conn.), 1980.